

Евгений Велтистов

Евгений Велтистов

Практическая Электроника

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В27

Иллюстрации на переплёте
В. Челака
Серийное оформление
Н. Сушковой

Велтистов, Евгений Серафимович.

В27 Приключения Электроника: [фантастические повести] / Евгений Велтистов; ил. В. Челака. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 669 , [3] с. — (Вся детская классика).

ISBN 978-5-17-116579-6.

Евгений Серафимович Велтистов (1934–1989) — детский писатель, один из первых отечественных фантастов. Он известен своим знаменитым циклом повестей про мальчика-робота Электроника.

Сергею Сыроежкину посчастливилось встретиться с мальчи-ком-роботом Электроником, удивительно похожим на него внешне. Видя, как легко Электроннику даётся любая работа и знания, Сыроежкин предлагает роботу отправиться в свою школу. Но скоро становится ясно, что хранить эту тайну долго не получится, потому что Электроник обращает на себя всеобщее внимание своей одарённостью во всех областях. Да и самому Сыроежкину наскучила беззаботная жизнь без друзей и учёбы.

Так что же потом приключилось с Серёжей, Электроником и их друзьями?

В книгу вошли четыре фантастические повести об Электронике и его друзьях: «Электроник — мальчик из чемодана», «Рэсси — неуловимый друг», «Победитель невозможного» и «Новые приключения Электроника».

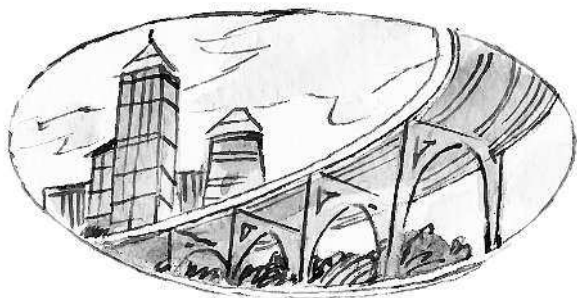
Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Велтистов Е.С., насл., 2019
© Приходько В.А., предисловие, насл., 2019
© Челака В.Г., ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

«ЗДРАВСТВУЙ!
МЕНЯ ЗОВУТ
ЭЛЕКТРОНИК...»

Эту книгу можно было бы издать без предисловия.

Зачем же предисловие? Да еще написанное человеком, который в детстве сам без предисловий приступал к приключениям любимых героев.

Дело в том, что про Электроника знает нынче великое множество детей. Не ленивых и любопытных. А вдруг самые любопытные захотят узнать про автора любимых книг?

Для них-то и написано предисловие.

Итак, автор. Евгений Велтистов.

Шла война. Великая война. Во второй год великой войны он пришел в 265-ю московскую школу учиться. Книг было мало. Тетрадей еще меньше. Читать хотелось очень сильно. Когда спросили, кем ты станешь, ответил: «Продавцом детских книжек. Чтобы прочитать все».

Потом он передумал. Решил стать журналистом. Это было твердое решение. Окончил факультет журналистики. Стал работать — сперва в газетах, потом — редактором отдела в популярном журнале «Огонек». Ведал фельетонами и всякой всячиной, что печаталась на последних страницах. Был очень худой. И поэтому казался

еще длинней. В многоэтажном доме редакция занимала три этажа. И когда в праздничные дни вывешивали веселую стенгазету, Велтистова изображали примерно так: голова на третьем этаже, туловище — на втором, а бегущие ноги — на первом.

Он был настоящим репортером: неутомимо выхаживал новости. Находил интересных людей. Он нашел, например, в одном арбатском переулке сочинительницу знаменитой песенки «В лесу родилась елочка», старушку Раису Кудашеву. И сумел ей помочь, так как требовалась помощь. Он также помог детскому саду поселиться на роскошной даче, до этого принадлежавшей жулику. А известному писателю-фантасту Станиславу Лему — увидеть атомный реактор в Дубне.

Встречался со знаменитым радиоэлектроником и кибернетиком Акселем Ивановичем Бергом, чтобы потом «списать» с него своего профессора Громова, чудаковатого и при внешней суровости доброго человека. Познакомился с главным конструктором космических ракет Сергеем Павловичем Королевым, которого сегодня мы считаем национальным героем. Бывал в гостях у виднейших ученых: физика Петра Леонидовича Капицы и кибернетика Виктора Михайловича Глушкова. Взял интервью (в ту пору диковина!) у шефа уголовной полиции города Нью-Йорка. (Отзвуки заокеанской командировки находим в романе «Ноктюрн пустоты», также полуреальном-полуфантастическом.)

Велтистов был человек немногословный. Настырный. Копил впечатления. Обдумывал будущие книги. Рукопись первой повести «Приключения на дне моря» принес в издательство «Детская литература». Вскоре она увидела свет (1960). За ней вышли другие произведе-

дения. Их было немало: «Тяпа, Борька и ракета» (1962), «Электроник — мальчик из чемодана» (1964), «Глоток солнца» (1967), «Железный Рыцарь на Луне» (1969), «Гум-Гам» (1970), «Рэсси — неуловимый друг» (1971), «Излучать свет» (1973), «Победитель невозможного» (1975), «Богатыри» (1976), «Миллион и один день каникул» (1979), «Ноктюрн пустоты» (1982), «Прасковья» (1983), «Классные и внеклассные приключения необыкновенных первоклассников» (1985), «Планета детей» (1985), «Избранное» в двух томах (1986), «Новые приключения Электроника» (1988).

Книги «Тяпа, Борька и ракета» и «Излучать свет» были написаны Велтистовым в соавторстве с женой и другом Мартой Петровной Барановой.

...Я помню, в какой атмосфере родился «Электроник — мальчик из чемодана» (первая и, на мой вкус, лучшая часть тетралогии). В конце 50-х — начале 60-х годов школьники начали учиться по насыщенным программам. Триумфальный полет Юрия Гагарина проложил путь в космос — казалось, мы всегда будем первыми. Слово «кибернетика», восходящее к старинному греческому «управляю кораблем», порхало над кухонными столами московских коммуналок. На страницах газет спорили о судьбе поэзии в технический век. Поэт Борис Слуцкий написал, что физики в почете, а лирики, наоборот, в загоне и что это мировая закономерность. Рьяные сторонники точных наук, так называемые технари, сводили роль искусства в будущем к жалкому минимуму. Интерес к научной фантастике распространился необычайно широко. Лем стал любимцем технарей. Золотые весла литературных фантазий уводили читателя в такие дебри мироздания, какие действительно не

снились предыдущим поколениям. Еще не было горького, поныне не растворившегося осадка от Чернобыльской катастрофы. Еще не знали, что плетемся в хвосте компьютерной революции. И что не мы, а американцы вскоре высадутся на Луне. Пели с энтузиазмом: «На пыльных тропинках далеких планет...» Электронная эра переживала свой романтический период. Свою радужную юность.

Тут-то и был написан «Электроник — мальчик из чемодана».

Кстати, почему «из чемодана»?

Этот образ возник так. Однажды автор собрался в отпуск к теплому морю. Несет чемодан по перрону к поезду и удивляется: тяжелый. Словно там не рубашки и ласты, а камни. Чтобы веселей было нести, стал фантазировать: «Может, в чемодане кто-то есть? Может, там... электронный мальчик? Вот поставлю чемодан на полку, откину крышку. Мальчик откроет глаза, встанет и скажет: «Здравствуй! Меня зовут Электроник...» Вошел в купе, щелкнул замками и ахнул. Оказывается, в спешке перепутал чемоданы: взял другой, набитый книгами. Пришлось у моря обойтись без ластов. Зато на читался вволю.

А про воображаемого мальчика не забыл.

Сказка подчиняется общим законам искусства. Один из них формулируется примерно так: на яблоне могут расти серебряные яблоки, но никаких яблок не выразишь на вербе. Вроде бы неопровержимо. Однако искусство для того и существует, чтобы опровергать собственные законы. Бывает, что изображенное писателем вполне достоверно, похоже на реальную жизнь, а выглядит жалко, бескрыло и едва подсвечено убогой мыслью,

какой-нибудь банальностью. Читать не хочется. Чувствуя фальшь, читатель говорит, как режиссер бездарному актеру: «Не верю!» Это приговор.

В книге Велтистова странные, невероятные ситуации, в том числе пресловутые «яблоки на вербе», смеются друг друга. И написаны повести про Электроника выразительно, ярко. Сюжет-шутку движет необычайное сходство мальчика-робота и ученика 7 класса «Б» Сережки Сыроежкина. С самого начала приняв озорную условность, праздничную фантастичность сюжета, вживаешься в него и уже всему веришь: и лукавому профессору Громову, который предпочитает обычное такси вертолетам, и неслыханной Стране двух измерений, где все плоское: люди, дома, мячи, деревья... И другим чудесам. Все это словно выдуманно не писателем, а читателями — теми, кому адресовано. Теми, кто не может учиться, не озорничая.

Велтистов-фантаст обладал настоящим умением говорить о сложном просто. Способен был увидеть привычное (даже наскучившее) с новой стороны. Его перо одевало в плоть бесплотное. Превращало абстрактное в конкретное. Он, безусловно, «физик», а не «лирик». Симпатии его на стороне точных наук. Но пренебрежения к «лирике» не разделял. Герои «Электроника» не страдают бездуховностью. Математик Таратар, рассказывая ученикам о процессе творческого открытия, привел в качестве примера... стихи Пушкина. Поправил очки и прочел тихо, почти шепотом: «Я помню чудное мгновенье...» И в класс словно ворвался легкий ветерок, затуманил глаза.

Интересно, а этот математик выдуманный?

Оказывается, не совсем.

Работая над «Электроником», Велтистов не раз заглядывал в школу с математическим уклоном. Познакомился с заслуженным учителем. Звали его Исаак Яковлевич Танатар. На уроках он не обходился без шутки, ходил с ребятами в походы, выпускал с ними стенгазету «Программист-оптимист» с ребусами на «танатарском» языке формул. Дети, конечно же, называли его «Таратар». Так звучит фамилия и в повести.

Велтистов рассказывал мне, что во время обсуждения рукописи «Электроника» в издательстве он попросил дать ее на отзыв Танатару. И получил от него сдержанное одобрение: будущая книга «должна представлять интерес для читателя». Был этим сдержанным одобрением весьма доволен.

Что технический прогресс — двуликий Янус, стало известно задолго до того, как Велтистов сел писать свои повести. С одной стороны — сверхудобства, с другой — сверхбомба. Тема взбунтовавшейся машины волновала фантастов разных стран и народов. Есть книги, начиная с Уэллса, фильмы, картины, где она решена трагически: машина уничтожает своего создателя.

Велтистов был оптимистом. Он заставлял верить в победу разума, человечности. Потому что жить тяжелей, если не веришь. Даже робот Рэсси — электронный пес, «дитя» уже Электроника, способен у него спасти живых животных от безжалостных опытов владельца фантастического зоопарка господина фон Круга, которого раздражают шум, непоседливость детей.

На выборе этого зловещего персонажа — отпечаток времени. Не забудем, что в детстве Велтистова бушевала чудовищная война с немецким фашизмом. Гитлеризм олицетворял все мировое зло. В повести «Глоток

Солнца», написанной после «Электроника», действие происходит в 2066 году. Аппарат-визуализатор создает оптические иллюзии, вытесняя «одряхлевшее кино» и «надоевшее телевидение». По воле изобретателя Иосифа Менге появляется видение прошлого: «человек в черном» стреляет из автомата в беззащитного старика. Чувство социального страха неизвестно новому поколению, однако осталось в глубине наследственной памяти. Бедствие, паника. Да было ли такое в действительности? Менге отвечает: «Было... Не со мной. С дедом. Его убили фашисты в тысяча девятьсот сорок первом году. Он жил в Варшаве... Я не могу забыть...» Поэтому и появился в повести фон Круг...

За Электроником, за Рэсси, наконец за Электроничкой с несмеющимися глазами, также придуманной профессором Громовым, стоят люди, которые ценят свободу, любят поэзию, не потеряли живую душу. «Фантастика, — говорил Велтистов, — это выдумка, взгляд в будущее — какой простор для писательского воображения!»

Никакое воображение не застраховано от ошибок. Я знал писательницу, сочинившую фантастический роман про строительство гигантской и безумно дорогой плотины с целью поднять уровень Каспия. Это было в год, когда море действительно мелело. А когда повесть, пролежав пару лет в издательстве, вышла, она уже устарела: циклический Каспий поднялся и заливал низкие берега. Бывает... Мы прощаем фантастам их торопливость...

У поэта Леонида Мартынова сказано так:

О, если бы писали мы

О том лишь, что доподлинно известно, —

Подумайте, о трезвые умы,
Как было бы читать неинтересно!

Между прочим, Велтистов любил чуткого к техническим новшествам Мартынова. Электроничка, запрокинув голову вверх, слушает его странные стихи:

Вот ведь
Какова ты,
Нечто среднее
Между атомом и звездой.

По ее электронному телу пробегает слабый ток: «Она оглянулась и увидела первый солнечный луч, пробивший толщу леса... Захотелось пройти босиком по траве или взлететь, как Рэсси, на границу ночи и утра. «Что я натворила? — подумала в великом смущении Элечка, не понимая, что с ней происходит. — И зачем мы только клялись ни в кого не влюбляться? Я не знала, что это значит...» А вслух она произнесла: «Кто же я такая?» Она, как у поэта, «нечто среднее между атомом и звездой».

Электроника сразу полюбили дети 60–70-х, а потом и 80-х годов. Возникли клубы «Электроник», объединившие энтузиастов. Ребята стали рисовать и конструировать собственных роботов.

А когда телевидение показало фильм, поставленный режиссером Константином Леонидовичем Бромбергом, в библиотеках выстроились длинные очереди за «Электроником». Книгу выдавали на два дня. Успех превзошел ожидания.

В заключительной, написанной после этих событий, части на школьном дворе все играют в робота и

человека. Телеэпидемия. Женщина-почтальон приносит Электронику письма. Она говорит: «В почтовый ящик не лезет». На столе растет гряда телеграмм, некоторые без адреса. Просто: Электронику. Или — Сыроежкину.

Это не фантастика. Не честолюбивые миражи. В редакцию «Пионерской правды», на телевидение, в адрес Велтистова пришло около 80 000 писем от читателей и зрителей.

Одна девочка написала, что после знакомства с Электроником она поняла: «Нужно быть честной, работать своим умом». Другая рассказала про младшего брата: он, под влиянием Электроника, «прошел всю математику за пятый класс. Вот сейчас сидит занимается и передает вам привет». Третья наотрез отказалась, пока не досмотрит «Электроника», уехать в лагерь. Дети писали, что проводят конкурс на «лучшего Электроника по учебе», ставят по «Электронику» спектакли. А школьники из далекого дагестанского города даже предложили «устроить олимпийские игры в честь Электроника и Сыроежкина»!

...Велтистов был совершенно чужд нравов литературной богемы. Дисциплинированный, деловой. Западный тип писателя, что живет не на гонорар. Ежедневно к девяти утра отправлялся на службу. В пиджачной паре, при галстуке. А когда же писал? По ночам? В отпуске?

Последняя часть «Электроника» вышла, когда писатель был уже смертельно болен. Экземпляры новой книги принесли в больницу, и он подарил ее врачам, сестрам, нянечкам.

Евгений Серафимович Велтистов (1934–1989) оставил нам много хороших книг. За сценарий трехсерий-